

## **Сибиряк**

В моей крови течёт моя страна:  
Ленца Днепра и бурный нрав Амура,  
Седого Волхова негромкая волна  
С Кубанской мутью вешнего разгула.

Во мне связались солнечным узлом,  
Сплелись, свелись Господними путями  
В единстве объяснимо непростом  
Хохол, маньчжур, казак и северянин.

Тесню плечами Запад и Восток,  
Ушкуйный свист в усах Тмутаракани.  
Но горькой желчью выжигает бок  
Чернь Томских изб в крапиве и бурьяне.

Смиренье и бунтарство – маята  
В моём сердцебиеньи и дыханьи,  
А облаков предгрозных полнота –  
Мои моленья и мои дерзанья.

Котомка-память семена хранит,  
Что станут виноградом и пшеницей.

А под пятою сонный рыба-кит...  
А в волосах гнездующие птицы...

Четыре края с памятью кровей,  
Такая щедрость многим и не снилась!  
Я переполнен Родиной моей –  
Она на мне  
во мне  
перекрестилась.

\*\*\*

Бабье лето в мужском разгуляе,  
Распахнулась душа на растраты.  
Паутину, в закатность сдувая,  
Вьют ветра по-над полем кудлатым.

Стелют вихри по стрелке и встречно  
Мятным выдохом вялые травы.  
И кислят маятою извечной  
Хмель желаний и опыт отравы.

Полететь бы, в ветрах закружиться,  
Проклянуть, позабыть неизбежность...  
Журавля не признав за синицу,  
Вызреть сердцем в жестокую нежность...

Бабье лето в мужском разгуляе.  
По-над полем закатность без меры.  
Косит ветер добор урожая,  
Засекая за серпик Венеры.

На ладонях шершавится колос  
Уж нежданной надеждой согретый.  
Шалым шёпотом внутренний голос  
Льстит и дразнит цепные запреты.

\*\*\*

А по Сибири процвела ольха.  
Не знаю слов, чтоб передать всю негу,  
Всю нежность преподобья снегу.  
Тут все слова правы слегка-слегка,  
И краскам передать слаба рука  
Пуховый белый рой.

Пуховый белый рой  
И осыпь льдистых крошек.  
Над золотом осоковых болот  
Невестовой невинностью плывёт,  
На фоне чёрно зазубрённых елей,  
Предтечью прозреваемых метелей  
Фата серёжек.

Неотклонимо грузною ордой  
С востока небо покрывает синь.  
Тускнеют в вечер искры краснотала.  
В набухших сумерках ещё наглядней стала  
Весна ольхи над осенью трясин.  
Пухово белый рой...  
Фата серёжек...  
И осыпь льдистых крошек.

\*\*\*

Я вернулся, вернулся. Я слышать хотел  
Как на вербахочных осыпаются почки,  
Как трава размыкает подземный предел,  
Чтоб, стерев на ладонях берёзовый мел,  
Разгрести в старых листьях источник.

Я вернулся, вернулся на зов журавлей,  
На сиротские всхлипы усталой калитки,  
На тревожные всхрапы стреножных коней,

На распутные пышные хляби полей –  
По крестам перечесть родословные свитки.

Я вернулся, вернулся... Хоть я опоздал,  
Вы примите к себе, возмужавшие дали.  
Я вам всё расскажу – где бродил, в чём блуждал,  
Как я памятью вашей себя ограждал,  
Когда душу ветра по ночам выстужали.

Я вернулся. И вижу – мне всё невпопад,  
Слишком много чужого в крови и одежде.  
Я тревожно ловлю: кто мне рад иль не рад,  
И готов, если что, отступиться назад...  
Но примите меня – по любви и в надежде!

## Прогулка

Горчат весенние дымы.  
Костры в садах, в полях поджоги –  
Клубятся последы зимы,  
Её прилоги и тревоги.

Графично строг сквозной простор  
В подкрас закатного разлива.  
Листвы и трав сопрелый сор  
Горит неярко и пугливо.

Измятый шлейф слезоточив,  
Линяет едкими клоками...  
Дары бездарно расточив,  
Я выкупаю мир шагами:

Сады голы, поля пусты.  
Земля в пожарно-чёрных метах.  
Вчерашнедневные мосты  
Над вздутой половодьем Летой.

Да, бедокурен и белес  
Ползучий тлен картин минувших.  
Но! Предо мной  
предбрачный лес  
В короне встал ветвей набухших –

Весь полн налётом певчих птиц,  
Густым оркестром страстных схваток  
Дроздов, малиновок, синиц...  
И дальний дым  
вдруг  
сладок-сладок.